

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ВДИ № 4, 1957, стр. 3—18 напечатана статья акад. В. В. Струве «Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского». Статья эта имеет не столько исследовательский, сколько полемический характер и специально направлена против некоторых соображений, попутно высказанных И. М. Дьяконовым в связи с этим документом в статье «О площади и составе населения шумерского «города-государства» (ВДИ, 1950, № 2). К этой полемике без всякого основания привлечено и мое имя, причем автор позволяет себе недопустимые по тону и неуважительные замечания по моему адресу.

В моей книге «Государственное хозяйство древнего Шумера» документ Ник., I, 19 упоминается три раза, — на стр. 143 в числе примеров документов «чисто демографического характера» и в ссылках на стр. 159 и 166.

Привожу дословно сказанное на стр. 143, так как это место послужило поводом для полемических выпадов против меня: «Наконец, к этому же типу документов относится документ, содержащий перепись членов нескольких семейств, причем в списки людей, принадлежащих Бау, отнесены одинаково и взрослые члены семей (в том числе отцы и вдовы умерших глав семьи, возглавлявшие осиротевшие семьи), и малолетние, и принадлежащие этим семьям рабы и рабыни (см. Ник., I, 19)». Из взятого в скобки места ясно, что к числу взрослых членов семей я отношу, с одной стороны, отцов, оставшихся в живых, с другой — вдов, возглавивших осиротевшие семьи. Выхватив из приведенного контекста слова, заключенные в скобки, и распространив причастный оборот «возглавившие осиротевшие семьи» со вдов также и на отцов, акад. В. В. Струве и получил приписываемую мне мнимую «интерпретацию», которую он тут же критикует, как «весьма маловероятную» и «невозможную» (стр. 6). Между тем, еще 23 июня 1957 г., при публичном обсуждении доклада, легшего в основу статьи акад. В. В. Струве, я обращал его внимание на неправильность такого толкования цитированного места моей книги, а также на то, что никакой интерпретации документа я в этом месте не даю. Несмотря на это, акад. В. В. Струве все же счел возможным повторить заведомо неправильное понимание моего текста в своей печатной статье.

В двух других местах моей книги имеются лишь ссылки на документ Ник., I, 19 — в одном случае как на пример употребления термина ег в отношении частных рабов (стр. 159, прим. 1), во втором — как на свидетельство состоятельности семейств, поскольку они обладали рабами и рабынями (стр. 166).

Таким образом, из приведенных мест с упоминанием документа Ник., I, 19 для всякого непредубежденного читателя должно быть ясно, что никакой «интерпретации», и тем более «концепции», на основании этого документа в моей книге не дается.

Столь же преднамеренны и другие критические замечания по моему адресу. Так, мне ставится в упрек невнимательное отношение к источникам: на стр. 14, прим. 64 акад. В. В. Струве приписывает мне «утверждение... что имя Несаг не упоминается в общих списках»; при этом акад. В. В. Струве указывает на документы DP, 171, 177 и 191, в которых имя Несаг упоминается и которые мне были известны. Но на стр. 164 моей книги, на которую при этом делается ссылка, имя Несаг мной вообще не упоминается и лишь в прим. 5 в безличной форме указывается, что имена рыбаков (к числу которых принадлежал и интересующий акад. В. В. Струве Несаг) в общих списках не повторяются. Однако, как видно из контекста, под общими списками в данном случае я имел в виду только документы со списком лиц, п о л у ч а ю щ и х н а т у р а л ь н о е (пищевое) д о в о л ь с т в и е (документы эти перечислены в моей книге на стр. 144, прим. 1); документы же, указываемые в статье акад. В. В. Струве, к числу списков этого рода не принадлежат. К тому же следует заметить, что и в самом документе Ник., I, 19 рыбак Несаг вовсе не упомянут (в тексте читается Ne—kuš).

Этим не исчерпываются те натяжки, которые допускает акад. В. В. Струве в своих нападениях на меня. Так, на стр. 16 и в прим. 73 акад. В. В. Струве обвиняет меня в неучете исторической обстановки, сложившейся в период, когда составлялись рассматри-

ваемые мной хозяйственные документы (имеется в виду внешнеполитическая, а именно военная ситуация). При этом автор замечает, что «никто ведь не мог бы дать положительную оценку труду, посвященному государственному хозяйству Афин второй половины V в. до н. э. и не учитывающему самым внимательным образом события Пелопоннесской войны». Такая аналогия с Пелопоннесской войной ввиду глубокого различия исторических условий, как и масштаба самих событий, лишена основания и в данном случае неуместна. Что же касается влияния на экономику Лагаша военной обстановки последних лет правления Урукагины, то в той мере, в какой это влияние нашло отражение в хозяйственных документах, оно было мною соответствующим образом учтено (см. например, стр. 164 моей монографии). Производить же специальное исследование военной истории города Лагаша, тем более столь малозначительных эпизодов, которые составляют предмет статьи акад. В. В. Струве, не могло входить в мою задачу изучения государственного хозяйства древнего Шумера.

На стр. 6—7 своей статьи акад. В. В. Струве пишет, что «для акад. А. И. Тюменева все без исключения лица, входившие в состав поименного перечня текста Ник., I, 19, остались пустыми именами, лишенными плоти и крови». Каким образом я должен придать плоть и кровь лицам, поименно вовсе в моей книге не упоминавшимся, остается загадкой. В книге, где привлечены тысячи документов, содержащие десятки тысяч собственных имен, ставить подобную задачу автору — значит превосходить все возможные пределы придирчивых требований. Наконец, акад. В. В. Струве делает еще один выпад против меня, не имеющий уже никакого отношения к предмету его статьи. Именно, он утверждает, что в моей работе имеются «примеры забвения не только историко-филологической, но и простой исторической методик». Поводом для этого замечания является то обстоятельство, что мною не был сделан вывод, который можно было извлечь из одного архивного документа храма Бау (из числа нескольких тысяч), и отсюда произведен неправильный подсчет одной из категорий работников храма Нингирсу. Полагаю, что подобный просчет не дает никакого основания для огульного опорочивания применяемой мною методики.

В заключение замечу, что научная полемика может быть полезной и плодотворной лишь в том случае, если она преследует цели установления истины и ведется в объективном, достойном ученого, тоне. Полемика же, предпринимаемая без достаточного и тем более без всякого основания с единственной целью опорочения оппонента, может принести только вред делу научного исследования.

Акад. А. Тюменев

ПАМЯТИ ИСИДОРА МИХАЙЛОВИЧА ЛУРЬЕ

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 26 января 1958 г. на 55 году жизни скончался профессор Исидор Михайлович Лурье — известный египтолог, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Эрмитажа.

Общественная жизнь И. М. Лурье началась очень рано: еще в школьные годы, в 1919 г. он вступает в члены Коммунистического союза молодежи и в 1920 г. становится инструктором одного из Харьковских райкомов комсомола, а затем, во время оккупации Харькова белыми войсками, ведет там подпольную комсомольскую работу. В 1921 г., получив назначение на должность инструктора ЦК КСМ Белоруссии, И. М. Лурье переезжает в Минск, где в 1922 г. поступает в университет. В связи со своими занятиями по древнеегипетскому языку в 1923 г. И. М. Лурье переходит из Минского в Ленинградский университет на факультет общественных наук, который заканчивает в 1925 г. Товарищи по учебе и работе сохранили в памяти светлый

образ молодого И. М. Лурье — типичного комсомольца тех лет, горячо преданного идеям ленинизма.

Знаменательной датой жизни И. М. Лурье стал 1927 год — год вступления в ряды Коммунистической партии и начала работы в Эрмитаже, где он проработал непрерывно в течение 30 лет, до самого дня своей преждевременной смерти. И. М. Лурье был одним из первых коммунистов среди музейных работников и сыграл немалую роль в формировании партийной организации Эрмитажа, которая неоднократно избирала его членом и секретарем своего бюро.

Первая работа И. М. Лурье появилась в печати в 1927 г. — это была «Памятка к самообразовательной экскурсии в Эрмитаже» по отделу Египта, а первое его научное исследование увидело свет в 1929 г. на страницах университетского издания «Сборник египтологического кружка». Всего перу И. М. Лурье принадлежит более 60 исследований по различным проблемам истории древнего Египта. И. М. Лурье интересовался в первую очередь наиболее актуальными для марксистской науки проблемами развития производительных сил и производственных отношений, государственно-правовой надстройки, классовой структуры и классовой борьбы, главным образом в эпоху Нового царства.

Исидору Михайловичу советская историческая наука обязана такой необходимой работой, как «Техника древнего Египта» (два издания — в сборнике «Техника докапиталистических формаций», Л., 1936 г., и в сборнике «Очерки по истории техники»).

Начиная с 1929 г., центральной темой научной работы И. М. Лурье становятся вопросы законодательства и организации суда в Египте Нового царства. В «Замечаниях к папирусу Моок» (СЕК, 1929, № 1) автор устанавливает наличие в древнеегипетском праве наказаний за ложное обвинение. В следующем году в статье о судебных оракулах (ЗКВ, IV) И. М. Лурье впервые выяснил, что храмовые оракулы играли роль высшей инстанции по светским делам. В 1931 г. в «Journal of Egyptian archaeology» (т. XVII) появляется статья о терминах *ḫnbt* и *ḫnbt sdmꜥw*.

В результате дальнейшей работы над этими вопросами вырастает фундаментальная работа «Очерки истории древнеегипетского права», за которую в 1946 г. И. М. Лурье была присуждена степень доктора исторических наук. В этом исследовании, основанном на скрупулезном анализе многочисленных, но отрывочных и трудных для интерпретации юридических документов, автор убедительно восстанавливает картину организации судопроизводства и некоторые характерные черты не дошедшего до нас древнеегипетского законодательства. И. М. Лурье удалось выяснить ход развития судебных органов древнего Египта от восходящего к первобытно-общинному строю «совета старейшин» (*ḏjad jmat*) к административному судебному органу (*kenbet*) и проследить затем постепенное вытеснение этого последнего храмовым судом. В работе подробно рассмотрен вопрос о различных «кенбетах» и их функциях, о роли клятвы в древнеегипетском процессе, реконструируются законы древнего Египта в отношении охраны различных видов собственности и выясняется их классовый характер. Содержание этой неопубликованной монографии нашло отражение в ряде статей, опубликованных в 1946—1948 гг. и находящихся в печати (ВДИ, 1946, № 3; 1948, № 2; «Eos», том, посвященный Р. Таубеншлягу; «Сборник в память В. С. Голенищева»).

Исследование с позиций марксизма-ленинизма вопросов судопроизводства и права, естественно, вплотную подвело И. М. Лурье к изучению важнейших проблем производственных отношений. Уже в 1933 и 1935 гг. появляются его заметки о древнеегипетских терминах для обозначения понятий «наследник» и «деньги» (СЕК, 1933, № 8; 1935, № 9), а в 1938 г. — исследование о стоимости рабов в Египте Нового царства (ВДИ, 1938, № 4); здесь автор ставит также вопрос о своеобразии древнеегипетского рабовладения. В дальнейшем в статьях о домашнем рабстве в древнем Египте (ВДИ, 1941, № 1), о социальных идеях, связанных с *uḫbeti* (ВДИ, 1949, № 4), о рабах-держателях храмовой земли (ВДИ, 1955, № 1), о свободных земледельцах и рабах (ВДИ, 1957, № 1) и в многочисленных рецензиях на новые публикации документов И. М. Лурье сделал ряд чрезвычайно ценных наблюдений, пролагающих путь для глубокого мар-

систематического анализа особенностей древнеегипетского рабовладельческого общества. Анализ документов, данный в этих работах, убедительно показывает, 1) что в Египте Нового царства существовало значительное число частновладельческих рабов, рекрутировавшихся из числа военнопленных; 2) что среди разнообразных форм эксплуатации этих рабов были широко распространены такие, которые типичны для стран древнего Востока и не характерны для античного рабовладения в кульминационный период его развития (сдача рабов в наем, рабы—держатели земли); 3) что в положении древнеегипетских рабов было много черт отличия от положения античного раба (более легкие условия отпуска на волю, менее резкое различие в положении рабов и свободных). Для выяснения особенностей рабовладельческого общества древнего Египта особое значение имеет работа И. М. Лурье о *пемху*, показывающая, что в Египте Нового царства был слой мелких и средних рабовладельцев, владевших землями на правах частной собственности. Еще один аргумент в пользу этого положения дает опубликованная им эрмитажная стела, содержащая текст дарственной на землю (ЭВ, 1951, № 5).

Прекрасным дополнением ко всем этим исследованиям И. М. Лурье является его комментированный перевод 67 юридических документов Нового царства, опубликованный на страницах ВДИ (1952, № 1, стр. 209—280).

К этому же циклу работ по социально-экономическим проблемам примыкает ряд статей, касающихся положения ремесленников фиванского некрополя (ВДИ, 1950, № 4; 1951, № 1; находящийся в печати сборник в честь В. В. Струве), в которых выявляется картина положения еще одного слоя свободного населения древнего Египта и ярко показана острота классово-борьбы в его среде.

Ряд работ посвятил И. М. Лурье и вопросам положения производителей материальных благ в Древнем царстве (ТОВЭ, I, 1939; ВДИ, 1951, № 4).

Интересы И. М. Лурье в области египтологии не ограничивались, однако, этими центральными темами его исследований. Он хорошо известен как издатель эпиграфических памятников наших музеев; выполненные им публикации отличаются широтой привлекаемых аналогий и глубиной исторических выводов. Так, в упоминавшейся уже публикации плиты с дарственной на землю из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина И. М. Лурье дал систематический свод памятников этого рода, превосходящий полнотой известную сводку Иверсена. Издавая остракон ГМИИ, содержащий поучение Аменемхета, И. М. Лурье дал анализ этого поучения как источника для характеристики политических настроений правящих кругов в период ранней XII династии.

Специально вопросам идеологии была посвящена работа И. М. Лурье о «Беседе разочарованного со своим духом». Здесь И. М. Лурье пришел к выводу, что «Беседа» представляет собой памятник идеологии господствующего класса, возникший в условиях острой классово-борьбы. Оригинальны и новы были здесь сопоставления между поучениями и «Речениями Инусера». Таким образом, основная тема, тема социальной жизни звучала во всех работах И. М. Лурье. Этой же теме, по существу, посвящены и его работы об *ушебти* и о погребениях древнеегипетских бедняков. Вывод И. М. Лурье о том, что *ушебти* изображали рабов знатного покойника, а не его самого, занял прочное место в советской науке. В этих же работах И. М. Лурье сделаны ценные наблюдения над эволюцией представлений о загробном мире в связи с классово-борьбой.

Целая серия работ И. М. Лурье посвящена вопросам развития производительных сил.

Для исследований И. М. Лурье характерны осторожность и глубокая принципиальность в выводах, полнота охвата источников и литературы; свидетельством его обширной эрудиции, того пристального внимания, с которым он следил за текущими событиями в египтологии, являются также его многочисленные и глубокие рецензии на разнообразные издания древнеегипетских документов и монографии по социально-экономическим проблемам.

Нельзя обойти молчанием и большую работу, которую И. М. Лурье выполнил по редактированию I тома «Всемирной истории» АН СССР в качестве его ведущего редактора.

В течение многих лет И. М. Лурье был душой всего издательского дела Эрмитажа: под его редакцией вышли четыре тома «Трудов отдела Востока Государственного Эрмитажа», он был также бессменным ответственным редактором «Сообщений Эрмитажа».

Помимо всей этой большой научной работы, И. М. Лурье отдавал также много сил музейной работе, выполняя в Эрмитаже в течение 30 лет самые разнообразные обязанности и занимая различные должности — от научно-технического сотрудника до заместителя директора Эрмитажа по научной части и заведующего отделом Востока.

В лице И. М. Лурье советская наука потеряла принципиального и честного, глубоко преданного делу партии ученого-коммуниста, одного из неутомимых организаторов научной и просветительной работы в крупнейшем музее нашей страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ